

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа.

К СОБЫТИЯМ В ДАМАСКЕ.

В заботах о мире всего мира совет Лиги Наций принял постановление о том, что никакая война не может начинаться без разрешения Лиги... Это постановление мы рекомендуем вписать золотыми буквами... на развалинах Дамаска.

— Ты чего на нас уставился?
 — А так... Любопытно... Я ведь тоже „Друг детей“.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

ЮГОСЛАВИЯ. БЕЛГРАД. В редакцию русской монархической газеты „НОВОЕ ВРЕМЯ“.

Господа монархисты и пр. суворины сыны!
 В одной из передовых вашей газеты напечатано:
 «Конечно, трудно надеяться на свержение советской власти путем восстания... Нужно не восстание, а единичные лица, десяток-другой смелых и решительных людей».

Прочитав это, я даже испугался.
 А, впрочем, что уж тут — я? Какой уж тут толк обо мне!.. Сам товарищ Дзержинский — и тот, я думаю, слегка оторопел:
 — Только этого, мол, и не хватало!..
 В самом деле, — что вы, молодчики, окончательно там, в своей эмиграции, с ума посходили?!
 Ведь, с вас, с идиотов (извините за выражение), станется: наймете, по целковому на рыло, десяток вдрызг прожившихся «решительных людей» и подговорите их ехать в Москву...
 Ну, хорошо: приехали. А дальше?
 Дальше, прямо с вокзала (порядок известный) пожалуют эти самые люди, всем десятком сразу, раскаиваться в ОГПУ.
 Что ж тогда прикажете с ними делать?..
 Ведь, они не только раскаиваться, — они и пить-есть пожелают, обормоты-то ваши!
 Что ж: на советскую службу, что ли, определять их?
 Не можем. Это уж заранее надо сказать: никак не можем. Во-первых, у нас есть безработные члены союза совторгслужащих... Во-вторых, если ваших определить, то как же быть с пишмашинками, чернильницами и прочим легким инвентарем: не на цепь же его привязывать, весь инвентарь?..
 Ну, а даром, за здорово живешь, кормить-поить ваших ребят, — это, простите, тоже не годится. С какой стати? И что скажут трудящиеся?
 И, наконец, — «не хлебом единым»...
 Жить-то, ведь, где-нибудь надо ж?

А Москва, имейте в виду, переполнена. Свободной жилплощади — ни синь-порошинки. Родим мы, что ли, ее для вашего «десятка решительных»?
 Затем, — надо ж и одеваться, надо ж и обуваться.
 Ну, понаехали бы ваши болваны к маю, к июню: еще куда ни шло... А то — на зиму глядя!..
 Да вы знаете, какой нынче спрос на калоши? Своего потребителя еле-еле удовлетворяем, а уж на вашего, извините, и расчетов не строили!
 То же и с мануфактурой.
 Правда, «решительные люди» сейчас же начнут спекулировать ею... Но, ведь, это хлебное занятие у нас не поощряется. И выйдут для них неприятности. А для т. Дзержинского — лишние хлопоты:
 — Только-что отбоярился от «решительных» по ОГПУ, а теперь возись с ними по ВСНХ.
 Да ну вас ко всем чертям, в самом деле!
 Скопляйтесь в своей Югославии:
 — Не такая ж уж бедная страна, чтоб нельзя было в ней на кусок хлеба украсть!
 Ниспровергайте оттуда советскую власть восстаниями. Собирайте деньги на интервенцию. Коронуйте на царство Кириллов, а если есть Мефодии, то хоть и Мефодиев.
 Все это — ваше частное дело, и нас оно ни с какой стороны не интересует.
 Ну, а насчет «десятка-другого решительных людей», — ну, бросьте дурака-то валять!
 Что за хулиганство бессмысленное!..
 Нам одних раскаявшихся меньшевиков и эсеров — и то девать некуда, хоть пруд пруди.
 А тут еще черносотенное барахло понабежит.
 Куда его?
 Начнет с раскаяния в ГПУ, а кончит повинной в уголовном розыске...
 Ну, что хорошего?
 Нет, уж оставьте эти дурацкие измышления...
 Хоть и монархисты вы, но за восемь слишком лет можно бы хоть немножечко-то поумнеть.

Грамен.

ОТ ДВУХ ДО ЧЕТЫРЕХ.

Симочка Плахтина служит маленьким человеком в большом учреждении. Она—крохотная, а учреждение—необычайных размеров. Симочка сама плохонькая и выглядит неважно. Не с точки зрения медицинской, конечно (кому в совучреждении важна эта точка зрения?), а с точки зрения милевидности и всякой другой перекиси водорода. Не без пудры, правда, и с губной помадой, но... Не то, совсем не то. Сделала было в начале своей служебной карьеры какому-то помзавопердоту глаз, но ничего не вышло. Так и осталась—тихая, скромная, старательная и боязливая. А бояться в советском учреждении—не в лесу каком-нибудь: тут и бух, и главбух, и зав, и пом, и зам, и управдел, и завлич, и завобщ. Да разве всех переписишь, кого приходится бояться? И вообще-то лучше перебраться, чем недобояться...

Симочка перебирает ножками, Симочка торопится: опоздай на две минуты, а потом два дня бойся!

Куча бумаг с резолюциями. По всем нужно выписать ордера. Но Симочка не боится кучи бумаг,—она работница хорошая, быстрая и неутомимая. Проворно пишет ордера, прикалывает сколкой «основание», листает, пишет, пишет, скалывает, опять листает, опять пишет. Жиденькие белесые волоски растрепались, но посмотреть в зеркало некогда.

Пишет, пишет, пишет... Не разгибаясь, пишет маленькая, незаметная, плохонькая Симочка Плахтина. Перед нею — окошечко, окошечко в коридор. В коридоре движение, люди ходят, но их не видно, потому что окошечко закрыто,—еще не время!

Курьер разносит чай. Маленькой Симочке дает последней и, ставя на стол, всегда расплескивает на блюде. Если поднять стакан,—с него вахнет на юбку и на ордера. Хоть мелкая, а гадость! Но Симочка не сердится на курьера. Во-первых, привыкла, а во-вторых... Во-вторых, курьер, как петух, предсказывает рассвет: скоро два часа, самое яркое в жизни Симочки время...

Снаружи, из коридора, над закрытым Симочкиным окном—надпись:

— Выписка ордеров от 2-х до 4-х.

И все. Коротко, но внушительно. Дощечка красивая, стеклянная, черная, а буквы золотые. У дощечки еще задолго до двух собираются люди и ждут, пока Симочка окошечко откроет.

И Симочка этого ждет, ждет с замиранием сердца, торопливо допивает чай, дописывает последний ордер, искоса поглядывая на часы. Торжественная минута приближается. У Симочки безумно колотится сердце. Торопливая манипуляция с носом и губами. И—спокойная поза. Часы медленно бьют два раза. Симочка подносит руку к окошечку, но отдергивает: какой-то нетерпеливый человек из коридора тихо постучивает в окошко. Симочка выжидает с полминуты, медленно отодвигает окошечко и произносит строго:

— Гражданин, не мешайте работать!

— Позвольте, товарищ, уже два часа...

— Гражданин, не мешайте работать! Я сама знаю, сколько часов!—говорит Симочка еще внушительнее и снова закрывает окошечко. За окном вздох, заглушенный протест. У Симочки восторженно замирает сердце.

Еще минута и окошечко лениво отодвигается. Симочка... Да разве это Симочка? Даже не похожа! Не то—Мэри Пикфорд, не то—Лилиана Гиш! Она небрежна, слегка высокомерна, но снисходительна до поры, до времени. Ленивым движением она протягивает руку за «основанием», лениво пишет, останавливаясь каждую секунду, чтобы открыть и закрыть ящик стола, посмотреть куда-то на стену и на потолок, зевнуть, поправить прическу или просто полюбоваться на лежащий перед ней пустой ордер.

Горе безумцу, который осмелится не признать в Симочке Марию Тенази или Барбару-Ла-Мар из «Белой Моли»!

— Товарищ, нельзя ли поскорее, я тороплюсь! — прорывает какого-то скромного человека на двенадцатой Симочкиной задержке в одном ордере.

Симочка сразу переходит в наступление:

— Во-первых, попрошу не кричать, вы не в конюшне, а в советском учреждении! У меня не две тысячи рабочих рук, и мне тоже некогда.

— Товарищ, я же не кричу, а только прошу поторопиться... Я уже два часа жду, а вы копаются!

— Ах, вы думаете, что раз я вам выписываю ордер, то вы же можете меня оскорблять, да? Вы думаете, что я машина? Вы не считаете работников—людьми? Вы это хотите сказать?

Непорочный ордер лежит на столе. Симочка разгневана. Очередь в коридоре начинает волноваться:

— Товарищ, да бросьте там разговоры! Время не ждет, довольно вам...

— Вот, и граждане то же говорят! Не умеее себя держать, гражданин, и всех задерживаете...

Непорочный уже давно молчит. И Симочкино сердечко бьет небедное торжество. Симочка лениво приподнимается, отходит от окошечка. Но в глубине комнаты—только страшные люди, только те, кого надо бояться. И она возвращается, счастливая, могущественная.

Ее пытаются задобрить, говорят ей комплименты, заискивающе улыбаются. Но она непоколебима. Она знает цену человеческой лести, презирает низкопоклонство. Она знает, что она необходима для всех тех, кто в коридоре у окошечка. Она знает свою власть над ними.

Стрелка ближе к четырем часам. Прощай, счастливое, невозвратное время власти, могущества и всеобщего поклонения, прощай,—до завтра! И за две минуты до четырех Симочка получает последнее наслаждение.

Медленно, медленно, но неумолимее смерти задвигает окошечко, под бурные протесты коридора, под сдерживаемую брань, под возгласы отчаяния.

— Больше не принимаю, граждане! До четырех.

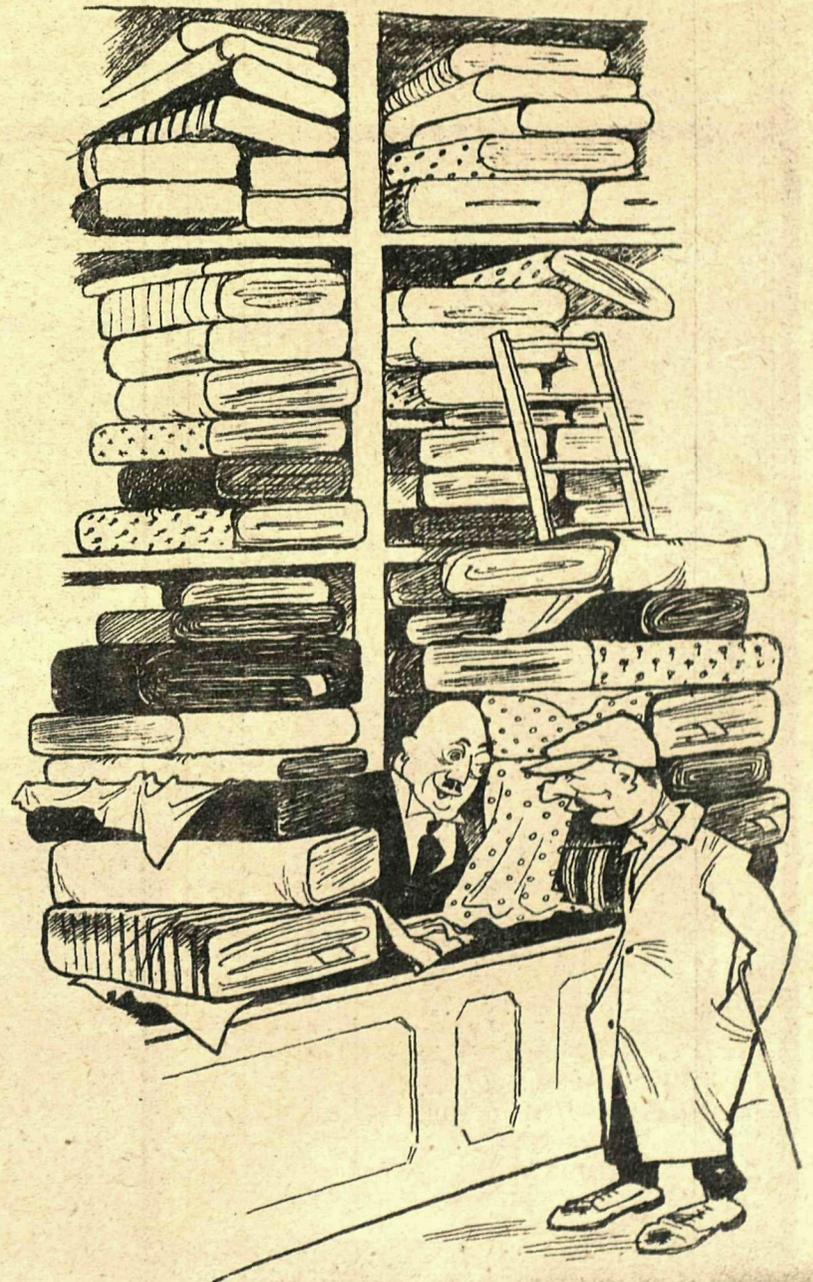
Последний восторг истощает силы Симочки. Окно закрыто, и снова Симочка боится недобояться, снова плохонькая, маленькая, жалкая.

До завтра, до двух часов!

Вл. Павлов.

ЧАСТНОСТИ МАНУФАКТУРНОГО ГОЛОДА.

Рис. К. Ротова.

— Послушайте, это кооператив?

— Нет, это мое частное дело.

— Почему же у вас такая масса мануфактуры?

— Это тоже мое частное дело.

**СОВРЕМЕННЫЙ НОВЕЙШИЙ СОННИК.
ОТ РЕДАКЦИИ.**

Все до сих пор изданные сонники чрезвычайно устарели и ни в какой мере не удовлетворяют современным потребностям. Между тем до сих пор есть граждане, которые крайне заинтересованы разгадкой своих снов, так как до сих пор они принимают свои сны к неуклонному руководству в общественной, семейной и личной жизни. Идя навстречу подобного рода гражданам, редакция «Крокодила» решила приступить к составлению специального современного сонника, попытки какой работы уже имели место на страницах нашего журнала. В виду того, что труд этот требует немало времени и знаний — «Современный новейший сонник» «Крокодила» будет печататься по частям, по мере накопления материала.

АПОСТОЛА во сне читать — на собрании докладчиком быть.
БАКЛУШИ бить во сне — личным секретарем поступишь.
БИЛЕТ ПРОФСОЮЗНЫЙ увидеть во сне — двойко: для состоящих в союзе — к печали и тратам; для несостоящих — к радости, ибо уже то для них радостью является, что билет сей хотя бы во сне видят.
ВЕНИК банный во сне видеть, а также и самую баню — к ревизии.
ГРАМОТУ КИТАЙСКУЮ писать во сне — попадешь в профсоюз инструктором, а, может, и другим каким чином.

ГУСЯ во сне видеть — к подшефным поехать.
ДЫРУ увидеть во сне — рабкредит получишь.
ЛЫЖИ если увидишь — кассиром будешь или казначеем.
МАСЛО во сне видеть — взятку готовь.
МАНУФАКТУРУ во сне продавать — дальняя дорога предстоит.
МЕТЛУ во сне держать — новое начальство назначат.
МЕСТО отхожее если увидишь во сне — избран будешь в правление жилищарищества.
МЫШЕЙ — кормить во сне — заведующим кооперативом будешь.
НИЧЕГО во сне не видеть — очень хорошо.
ПЛЕМЯННИЦУ начальника своего во сне увидеть — по штату сокращенному быть.
СКОРУЮ ПОМОЩЬ если увидишь — у приятеля скоро именины будут или даже свадьба.
САМОЛЕТ во сне увидеть — в Авиахим и еще в прочие места за полгода взносы вычитать будут.
ТРАМВАЙ (или автобус) видеть во сне — штраф платить будешь.
ФИНИНСПЕКТОРА во сне видеть — все равно что на яву: к денежной неприятности.

Вас. Кумач.

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

В русском языке много странностей и, вот тому примеры:

1. Угощаются посредник и председатель правления. Несмотря на то, что пред видит, к чему клонятся намерения посредника, расходы на угощение почему-то называются непредвиденными.

2. Есть и такая странность. Совершенно различные слова в русском языке часто означает одно и то же. Например: «благодарность», «смазка», «барашек» и «взятка» относятся к одной и той-же составной части делопроизводства.

И, наоборот, — совершенно различные понятия часто определяются одним и тем же словом. «Работой», например, называется какой-нибудь полезный, производительный труд и одновременно — писание политпросветных тезисов.

Благодаря всем этим странностям, русский язык непонятен даже многим русским. Часто можно наблюдать, как русские не понимают друг друга и раздраженно спрашивают обалдевшего собеседника: «Русским я языком тебе говорю или нет?»

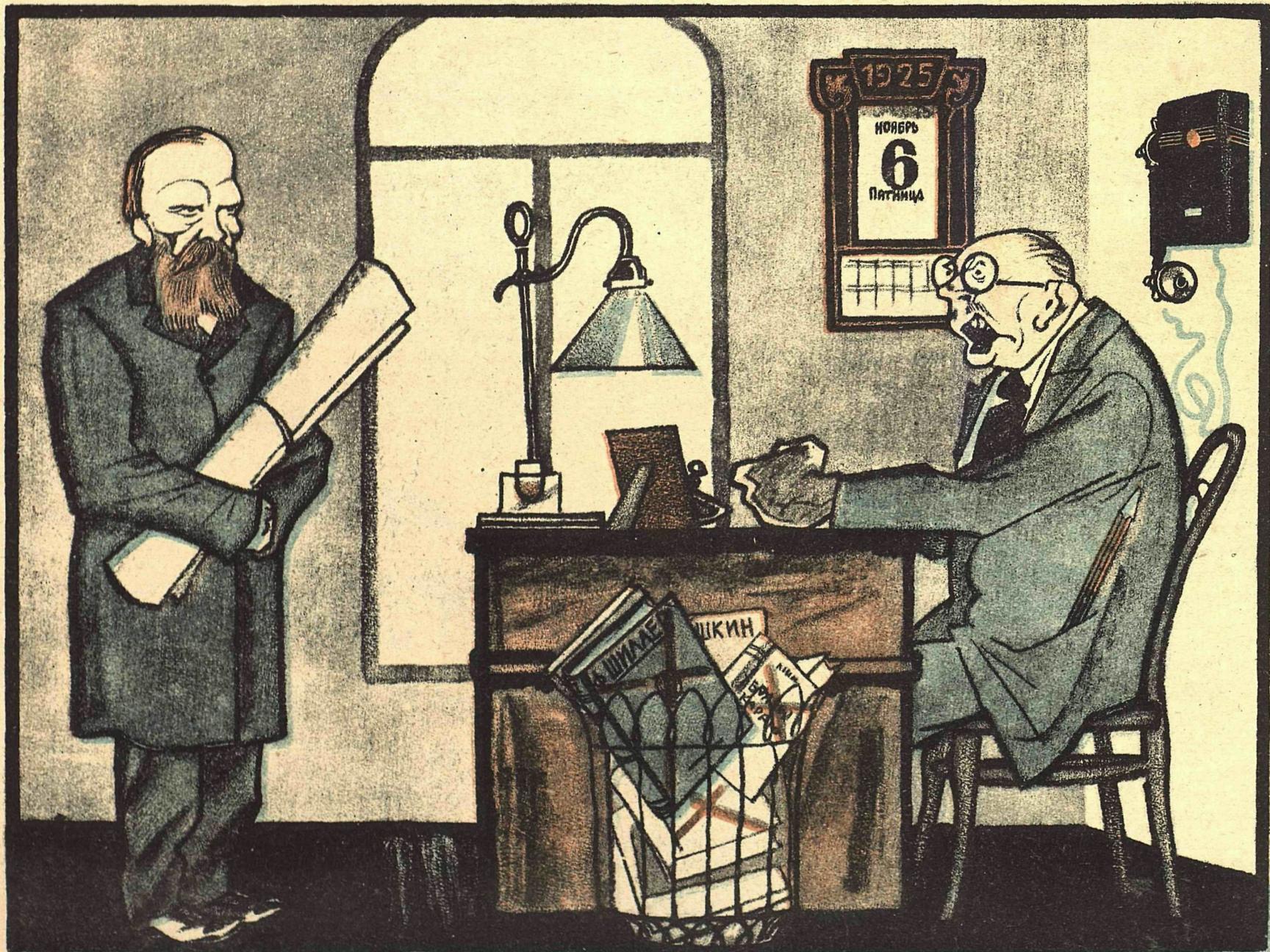
Егор Каменьщиков.

В ГЛАВРЕПЕРТКОМЕ.

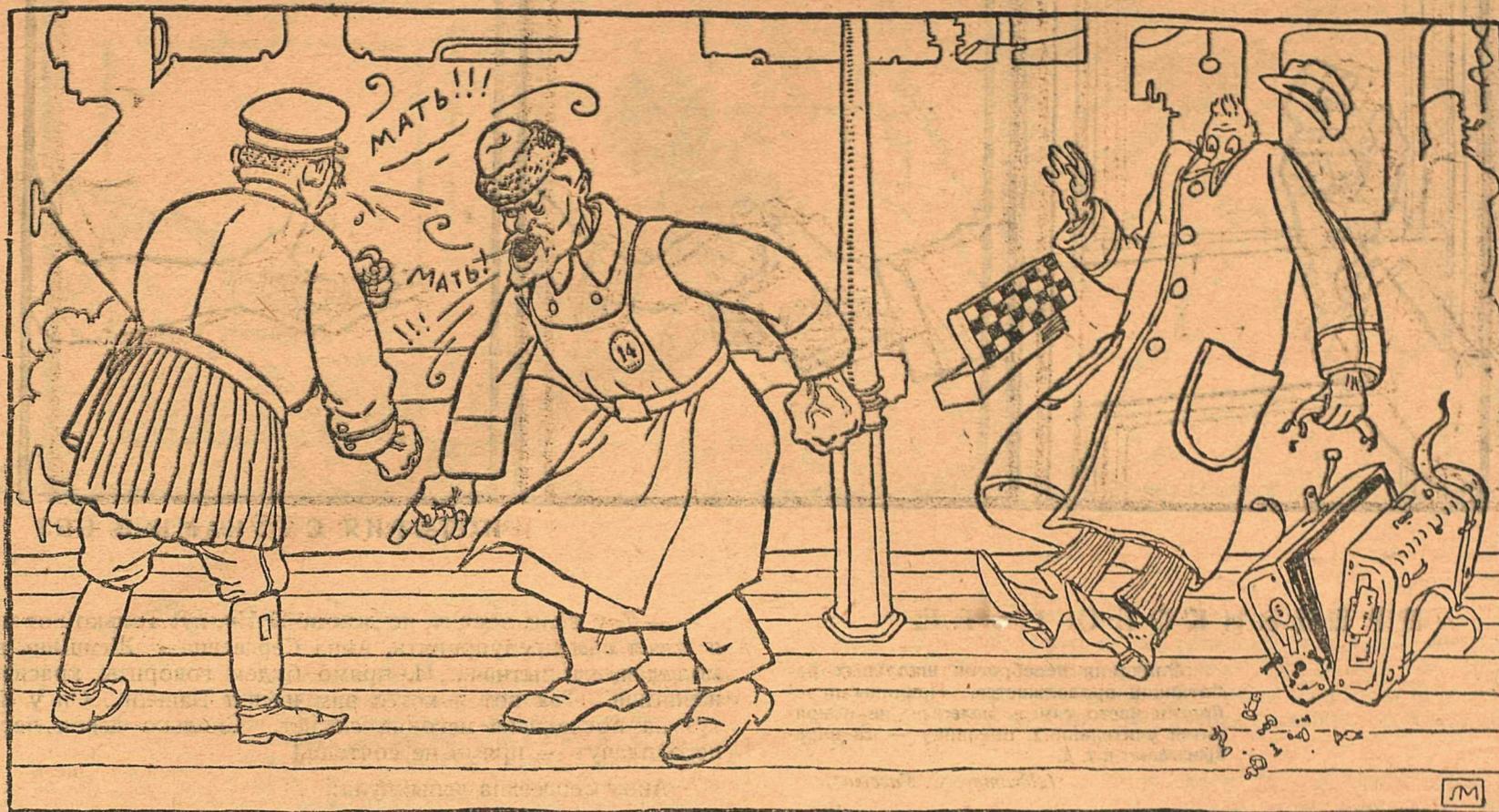
Главреперткомом запрещена постановка пьеса Братья Карамазовы по роману Достоевского.

(Ларин — „Правда“).

Рис. Марии Стюарт.

— Вам что нужно, г. Достоевский? Опять от Ларина? Тут Пушкин приходил,—так у него в «Онегине» есть родственники Ларина, вот Ларин за него и заступається... А вам-то из-за чего он протежирует?!

ИНОСТРАННЫЙ ШАХМАТИСТ:—Вот неудачное начало! На первом же шагу—мат!

БУНТ ПОТРЕБИТЕЛЯ.

(Логический конец).

I.

Директор Акционерного Общества «Торгпромкомбинат» поднял брови и вопросительно уставился на вошедшего секретаря.

Секретарь, извиваясь от деликатности, сказал следующее:

— Простите, Елпидифор Маркелыч,—из коммерческого срочно спрашивают... Председатель Воблпотребсоюза у них. Третий день ходит. Интересуется закупить мраморного мыла... Отпускать или нет? 500 пудов?

— Отпустить,—«наложил» директор,—при условии принятия нашего ассортимента.

И уже в порядке раз'яснений к резолюции добавил:

— Что у нас там идет плохо? Вот как-будто мазь для веснушек теперь не к сезону, зимой ее мало берут. Вот пусть и всучат 100 ящичков крема...

— «Китовый пух»,—ласково подсказал секретарь и растаял, как утренний туман...

II.

Председатель Правления Воблпотребсоюза поднял взломаченную голову от заваленного бумагами стола и сердито буркнул:

— Чиво надо?

Заведующий отделом распределения поковырял указательным пальцем председательский заваленный стол и, вздохнув, объявил:

— Не знаю за мануфактуру... Из кооператива «Красный Пистонщик» очень ругаются за мануфактуру... Из «Красной Смычки»—тоже... Прямо не знаю за мануфактуру...

— Мануфактуру? Хорошо. Только без этой идиотской мази «Китовый пух» и без крокетных принадлежностей не отпускать. Понятно?

Заведующий отделом распределения вышел, пяясь, как театральный паж...

III.

Заведующий кооперативом «Красный Пистонщик» поднял ящик с чаем и внушительно сказал покупателю:

— Полфунта мыла и ластик 3 метра. Три рубля семьдесят.

— Когда ж оно подорожало?—недоверчиво справился покупатель.

— Ничего не подорожало,—голос заведующего кооперативом был исполнен пренебрежения к невежественному в делах высокой экономики покупателю.—Ничего не подорожало, а просто принудительный сортимент. На вас придется: «Китового пуху» три банки да два крокетных молотка...

Покупатель смылся, бормоча нехорошие слова.

IV.

Здесь—то же, что и в главе III, только кооператив называется уже «Красная Смычка», а покупатель—явно крестьянского происхождения.

V.

И далее: все изложенное до этих пор—вполне жизненно и могло иметь место. Дальше, однако, действие разворачивается в сторону, авторами (принудительного ассортимента и настоящего фельетона) не предвиденную.

Итак:

Директор Акционерного Общества «Торгпромкомбинат» поднял брови и вопросительно уставился на вошедшего секретаря.

Секретарь, извиваясь от деликатности, сказал следующее:

— Простите, Елпидифор Маркелыч, наши закупщики срочно запрашивают... Крестьяне продают хлеб только при условии закупки у них лишнего инвентаря... Сохи там, бороны, поломанные телеги... Закупать или нет?

Директор собирался грозно ответить на нелепую шутку секретаря, но ему пришлось снова вопросительно поднять брови, ибо в этот момент в кабинет вошел заведующий производственным отделом.

— Простите, Елпидифор Маркелыч,—не без деликатности начал и этот.—Со второй фабрики срочно запрашивают: рабочие хотят работать полдня по производству, а другие полдня по выпиливанию лобзиком... Как быть?

И снова директор не успел ответить, как в комнату пулей влетел управделами. Этот заорал уже безо всякой тени какой-либо деликатности:

— Служащие... Весь персонал!.. Требуют оплач сверхурочных всему коллективу... И за что? За изготовление бумажных цветов в служебные часы!..

Директор оставил свои брови опущенными, судорожно замахал рукой на нового встревоженного вестника потребительского бунта и схватился за телефон:

— Дайте О.Г.П.У...

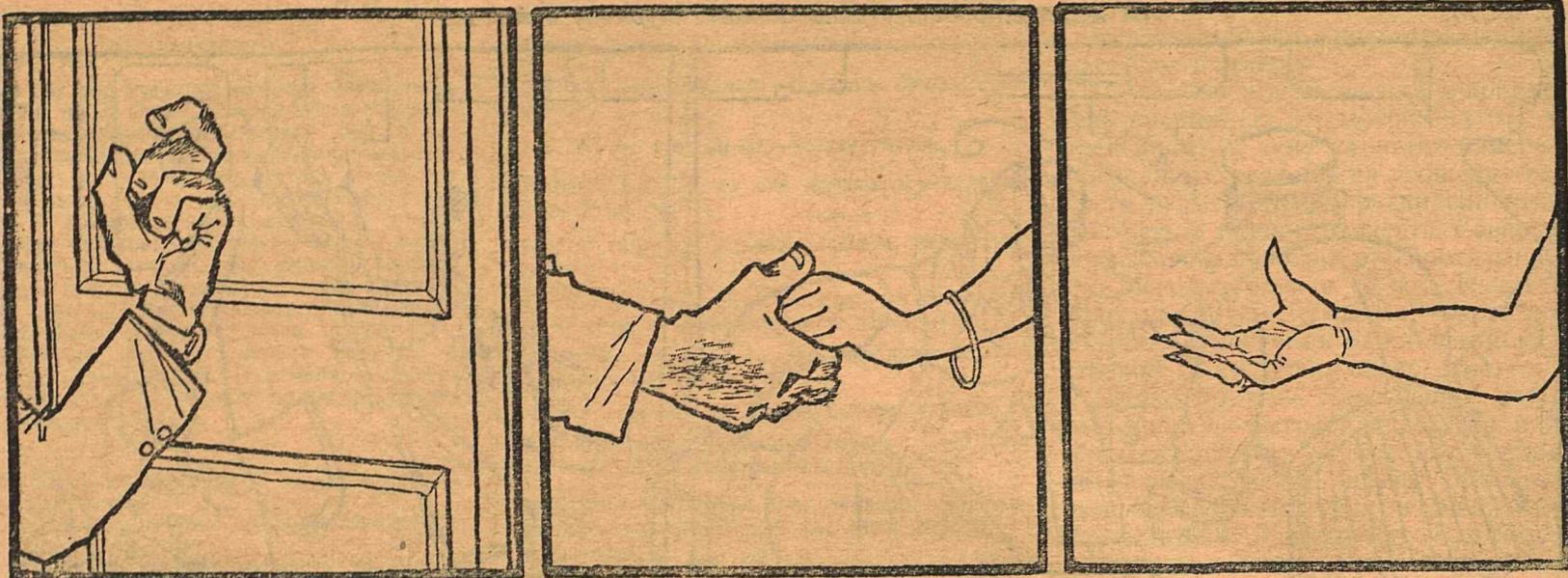
VI.

Собственно говоря, шестой главы не требуется. Шестая глава нужна только для вопроса, в видах «повторения пройденного»:

— Когда именно и почему целесообразнее было бы позвонить в Г.П.У.?

—И—кому?

Все.

ИСТОРИЯ С РУКАМИ И БЕЗ

ПРЕДВИКОВО ГОРЕ.

Эпидемия перебросок школьных работников продолжается. Причины переброски часто самые нелепые: не понравится учительница предвику — ее перебрасывают и т. д.

(„Учительск. Газета“).

Молодая, недавно назначенная учительница Анна Сергеевна, едва перекусив после занятий в школе, быстро бежала к народному, зажавши под мышкой тощий свой портфельчик.

Предвик, Семен Неудачин, загородил ей дорогу:

— Куда это вы так спешите, золотко? Ишь, как раскраснелась! Щечки, как яблочки, горят. Ну, прямо, извините за выражение — крымские или же барвинок.

Анна Сергеевна остановилась:

— В народном спешу, Семен Афанасьич... Кружок у меня там... вечерние занятия...

Семен Неудачин, не уходя с дороги, постарался изобразить на своем рябом и широком лице приветливую улыбку:

— Все это у вас кружки да занятия... Так ведь и заработать можно. Вон у нас в третьем году учитель с ума сошел... Честное слово!.. Хороший был человек — а сошел.

И, потоптавшись еще немного, он неожиданно взял вдруг учительницу за руку:

— Анна Сергеевна... а? Плюньте вы сегодня на этот кружок. Скажем там, что вы нездоровы... Уделите мне один вечерок... Поболтаем, чайку попьем... У меня как раз мед есть липовый... а?

Анна Сергеевна отдернула руку:

— Что вы, Семен Афанасьич! Какие вы мне вещи предлагаете! Как же я могу кружок бросить? Меня там двадцать человек ждут!

— Двадцать человек! Что такое, Анна Сергеевна, двадцать человек? — У меня в Вик'е по две сотни бывает, и то я готов их бросить для необходимости... Бывает такой перелом в жизни, Анна Сергеевна, что две тысячи людей и то бросишь... А у меня к вам разговор есть... первой важности. Так как же, а? Не пойдете?

— Не могу я, Семен Афанасьич! Разве вот завтра...

— Что там — завтра! Вы у нас уж вот — который? — третий месяц, а все меня завтраками кормите.

И вдруг, согнавши с лица своего всякие остатки любезности, Семен Неудачин сплюнул сквозь зубы:

— Для Ваньки Прокофьева у вас, небойсь, время находится. Милости просим, Иван Никитич — да? А мне двух часов уделить не можете? Хорошо же!

— Какой вы обидчивый, Семен Афанасьич! Я и видалась с Прокофьевым всего один раз — обсуждали программу работы с молодежью. Деловой был разговор.

— А у меня, значит, не деловой? Ну, ну! Только вот что я хотел вам предупредить, Анна Сергеевна... Женщина вы молодая, неопытная... И, прямо будем говорить, красивая женщина... Так вот я хотел вам насчет Ваньки... Он у нас тут за последнего негодяя сльвет. Сколько девок через него плачут — прямо не сочтешь!

Анна Сергеевна вспыхнула:

— Зачем вы мне про это говорите?! Какое мне дело?

— А такое дело, что слухи идут по селу... Вы, может, и вправду ничего такого... прочего... А кругом — разговоры идут. Вы думаете, трудно человека ослабить? Очень даже легко!

Анна Сергеевна скорчила презрительную гримаску:

— Какое мне дело до всех этих слухов? Пускай говорят, кому хочется... Это все, что вы мне хотели сказать? Да? Спасибо за предупреждение — и дайте мне пройти! Я и так уже опаздываю.

Семен Неудачин растопырил руки. Сдвинул шапку на затылок и на рябом его лице выступил пот:

— Анна Сергеевна! Еще два слова! Только!

— Ну? В чем дело?

— Трудно так, на ходу... Ну, одним словом... женщина вы одинокая, беззащитная... Каждый может вам обиду оказать... Ванька — что? Ванька, он и есть комсомол... Сопляк! Вам нужен человек солидный, который мог бы оградить... так сказать, взять под свою защиту... И которому бы вы могли составить счастье... Вот хоть, к примеру, меня возьмите... Я — человек трезвый... положительный. И всякую культуру ценю. Хотите — пианино из народа вам предоставлю. Шляпки там — какие хотите...

Анна Сергеевна даже портфельчик свой от неожиданности выронила. А предвик Неудачин заглядывал ей в глаза, заикаясь и стараясь найти еще какие-то слова. И рябое лицо его, заискивающее и потное, было так смешно, — что она не выдержала и звонко расхохоталась:

— Простите меня, милый Семен Афанасьич! Это я над собой... Разве вы не знали, что я замужем? У меня в городе — муж и на Рождество приедет ко мне на побывку.

И, поднявши с земли свой портфельчик, Анна Сергеевна, помолчавши минутку, вздохнула и вынула часики:

— Ай, ай, ай! Как я опоздала! Прощайте! Надо бежать!

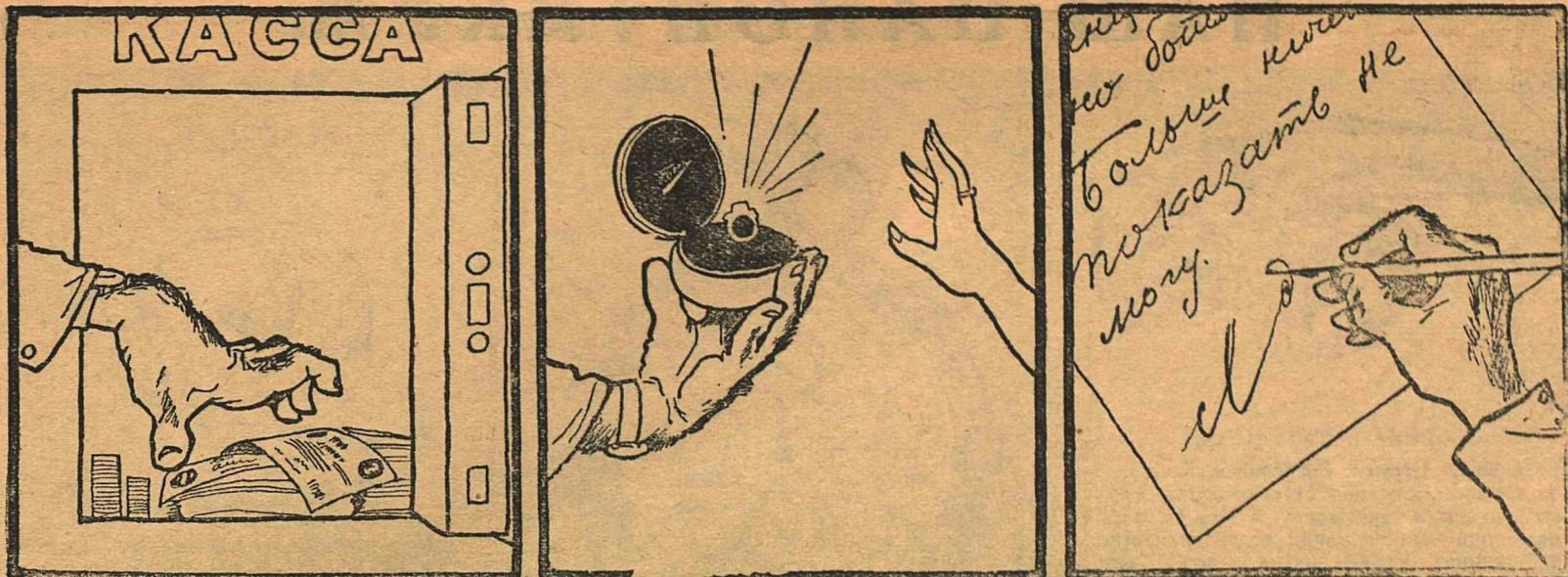
Оставшись один, Семен Неудачин долго смотрел вслед удалявшейся женской фигурке. Потом крепко ругнулся:

— Вот стервы! Шестая невеста уходит! Вот не везет!

И, почесавши в затылке, тяжело вздохнул:

— Ну, что ж... Опять переброску налаживать придется. Если и в этот раз не клюнет — придется синицынскую Маруську брать. Не хочешь — а возьмешь.

Вас. Лебедев-Кумач.

СЛОВ (НО С ИЗОЛЯЦИЕЙ).

ЧУЖДЫЙ ЭЛЕМЕНТ.

«Нельзя сказать, чтобы везде с особой охотой принимали новых работников. Местами советский и партийный аппарат не любит новых и свежих людей. Не любит потому, что новый человек, обогащенный опытом партийной и советской работы в столичной организации, частенько расшевелит местное болото, кой-кого и потревожит, а может быть, и вскрыет много неприятных вещей».

(„Рабочая Газета“).

Надобно вам знать, ежели вы жители нездешние, что в уездном нашем Сплуйске таковое бывает затишье, что кроме хлюпа по грязи — ничего и не слышно.

Ночью же вовсе тишина особенная, освещением тоже не балуемся, разве кто кому «фонарь» под глазом поставит, ну, это еще и ничего, потому «фонарь» вещь проходящая, а вот куда хуже, ежели на таковой товарооборот попадешь, что с тебя пальто сволокут да тебе же и предложат:

— Не купите ли собственное пальто, — за недорого отдача?

Купишь не купишь, а кричать не к кому, потому ночные наши сторожа от природы глухие, а милиция у нас тоже солидная и зря по улицам не шатается.

Другое дело летом у нас в Сплуйске. Днем машинки в учреждениях через открытые окошки — тук-тук. Ночью в скверике вальсы разыгрываются и тому подобное, революционное.

И вот, поди-ж ты, угораздило столичного человека, Лызлова по фамилии, угораздило его прибыть к нам по случаю «лица к деревне» в самую осень. Прибыл непутевый в распутицу с путевкой. И ну, баламутить.

— Имею душевное желание, — говорит, — размах с иньяктивной проявить!

Ему, конечно, на это сразу:

— Не очень-то вы, товарищ, размахивайтесь, а то мы и отмахнуться от таковых можем.

Притих бы этот Лызлов, молчал бы в порядке партийной дисциплины, — ничего бы не было. А тут опять с ним забота:

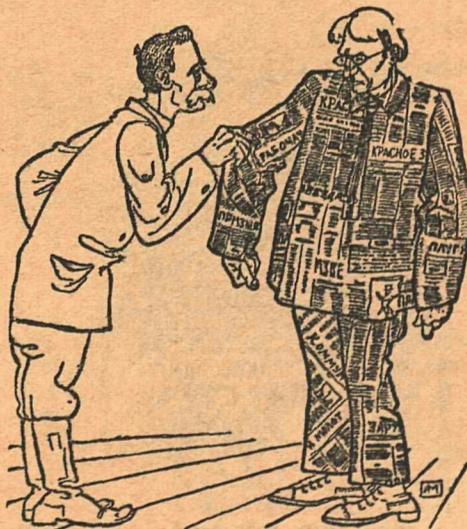
— Так, мол, и так, товарищи, сию я с семьей с багажом третий день и таковую же ночь на станции. Поспособствуйте насчет комнаты и на предмет базы.

Очень всех это обидело:

— Позвольте, позво-ольте, товарищ, вас из центра для какой же необходимости сюда прислали? Вы нам помогать должны, или, может-быть, наоборот?

— Я,—говорит,—должен помогать, не отрицаюсь. Ну, сперва вы мне с квартирным кризисом помогите, пожалуйста!

Ему опять:

Костюм хотя и бумажный, но не уступает самому суконному.

— Склока от вас получается, товарищ Лызлов. Не к сезону, дорогой товарищ, ходатайствуете. У нас жилищное строительство с весны начинается. Тогда ваш жилищный вопрос и поставим на повестку, а пока перейдем к текущему моменту и попросим вас от прямых обязанностей нас не отрывать!

Словом сказать, — очень всех должностных товарищей эти приезжие приставания удивили, а тут еще выясняется, что самый этот Лызлов, приезжий-то, не курит. Не курящий ни в какую человек. Что ты будешь делать?

Секретарь наш пальчиком только повел:

— Знаем мы этих некурящих... уж эти нам некурящие!..

— Очень даже нехорошо получается, — поддакнули ему подчиненные, — как же-с: председатель курящий, секретарь курящий, а которые приезжие, то, вопреки дисциплине, — некурящие. Как же это так? Получается вроде подрыв всей власти?!

В конце же недели-то и еще одно опасное обстоятельство выплыло наружу:

— Не пьет приезжий сорокаградусной в-наотрез, отказывается с демонстрацией!

— Ну, уж тут вовсе контрреволюция, — решили наши сплуйские работнички. — Раз коль скоро отказывается от сорокаградусной, стало-быть, он за поддержку самогонного производства. Ладно же, так-с... очень прекрасно. Так ему и запишем. В личное дело: оплот самогонщиков и непонимание государственных политик.

Короче сказать, — в начале второй недельки переписали путевку приезжего Лызлова в обратный ход с особенным примечанием, что таковых чуждых родственников отнюдь не требуется для партийной семьи города уездного Сплуйска.

Поехал Лызлов с лежалой плацкартой прямо до центра.

А в Сплуйске нашем стало опять очень тихо и хорошо. Во-первых,—никаких приезжих волнений. Во-вторых,—грязь на улице, и колеса до камня не достают. Стуку нет. В-третьих,—дни не более, чем полпальца, махонькие: только с постельки встал, ан уж опять время спать. Ежели же и были какие отклонения от мирного такового жития, то не более, как на... сорок градусов.

Тихая жизнь.

И когда кто в ночи вспомнит злополучного столичника Лызлова, то тут же с усмешечкой и молвит:

— Хи-хи... Выкурили его... Не подходящи нам таковые некурящие... чуждый элемент!..

Л. Митницкий.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

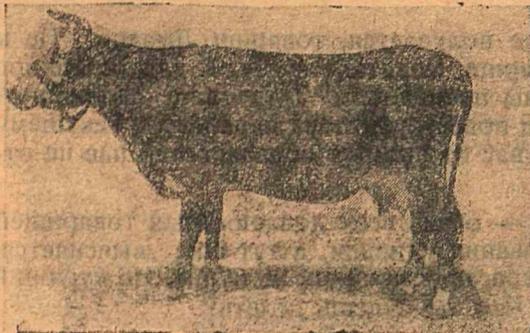

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА.

(Ст. Н. Ляля, Пермско-Богословск. ж. д.).

Рука, которой инженер Пуценко, зав. строительным отделом, указывает на дверь рабочим, если они к нему зайдут за справкой... «Вон! — кричит, — выгноту к чорту! Такой сволочи много найдется!».

Мы к этому ничего не добавим. А то обвинят в спеедстве.

ВЛАСТЬ ИМУЩАЯ КОРОВА.

Корова эта совершенно закомиссарилась. Злоупотребляя своим служебным положением, она выставила казенную лошадь из конюшни в сарай, сама устроилась в конюшне, донется и продает молоко «для всех граждан». Оказывает протекцию двум поросяткам.

За властный характер местные жители собрались окрестить ее «комендантшей», но, по зрелом размышлении, дали эту кличку ее владелице.

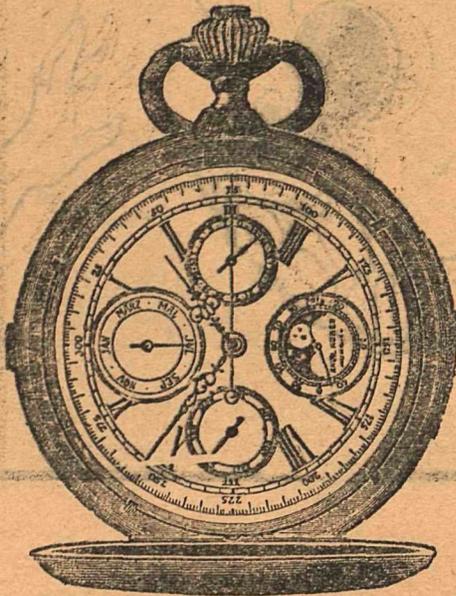
Обе — и владелица, и корова — принадлежат юрьев-польскому завуфо Антропову.

Рабкор.

Вот такая история произошла в нашем городе... (Handwritten text, partially illegible)

НЕДОПУСТИМО!

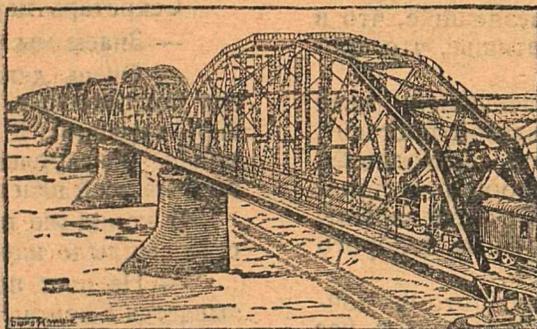
Заметка, которую еще не послали в «Наш Паноптикум» 90 процентов из числа читателей «Крокодила». Пускай поскорее пошлют. В частности, ты, дорогой товарищ, читающий эти строки — ты должен послать свою заметку. Ждем.

СЧАСТЛИВЫЙ БУХГАЛТЕР.

Счастливым потому, что часов не наблюдает, — и не для себя, а для всей бухгалтерии Успенского стеклозавода, Владимирской губернии. У него бухгалтерия работает, ни много, ни мало, от 8-ми утра до 10-ти вечера, с перерывом в 2 часа.

Дарим ему часы, и пусть впредь наблюдает. А заодно пускай понаблюдает и завком.

ИЗЛИШНЯЯ РОСКОШЬ.

Такого моста через речку Каменку, в г. Ново-Николаевске, пожалуй, не требуется. Но был бы полезен небольшой деревянный мост, поскольку за речкой живет около 20.000 жителей.

Комхоз, подумай об этом, — если ты, вообще, одарен способностью практического мышления.

Осколок.

К ЮБИЛЕЮ 1905 ГОДА, ЧТО ЛИ?

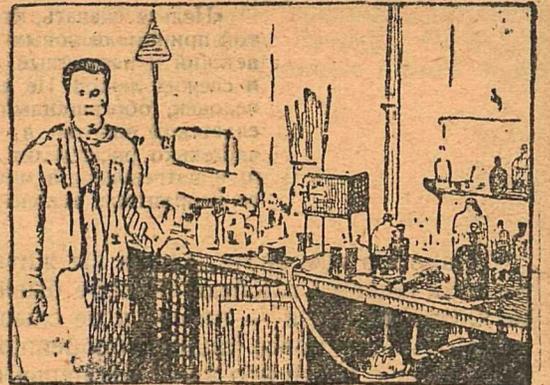
В этой обертке продаются конфеты в гастрономическом магазине Губторга, в Самаре, на Советской улице.

ПЕРЕУТОМИЛСЯ.

Лыко, которого не вязал зав. Кинешемской п/т. конторой т. Крылов, когда его разбудили в кабинете 12 октября для наложения пломбы на почтальонскую сумку. От переутомления Крылов не мог сообразить, где у него пломбы.

Так от Флегонта Павловича и не добились толку. Уж больно был пьян, сердечный!.

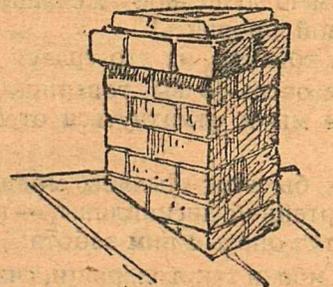

Специалист-электрик за работой

ОСТОРОЖНЕЙ С ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ!

Картина взята из газеты «Уральский Рабочий» от 3 октября. Называется: «Специалист-электрик за работой». Не думают ли в редакции, что электрический ток получают путем нагревания пробирок на газовой горелке? А впредь до употребления хранят в банках с притертой пробкой?

Осторожней надо обращаться с электричеством. Иначе может упасть вольтаж, а с ним и тираж.

ДЕЛО БЫЛО НА РАССВЕТЕ.

Середская артель инвалидов «Красный Рассвет».

Из этой печной трубы уборщица пекарни прихватила горсть сажы в целях самозащиты от председателя артели, И. Г. Соколова. Сей доблестный муж, находясь в сороковом градусе, застал уборщицу на чердаке и стал наседать, склоняя ее к любви; но, будучи вымазан сажей, вернулся к честной жизни.

И стала артель называться вместо «Красного» — «Черным Рассветом».

Омут.

... ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ТЕАТРОВ.

МОНУМЕНТ.

Кара-Курганский уком постановил поставить памятник Ильичу, хотя многие указывали на такие нужды, как вопиющая безграмотность, отсутствие медпомощи населению и пр.

(„Правда“).

Однажды слезливым, как сыр, вечером Торжественный пленум составил уком. 16 вопросов с повестки глядело: Нужда Ликбезграма... Нужда Здравотдела... Но молвил оратор в «текущий момент»: «Воздвигнем, братва, Ильичу монумент!..» «А деньги?!..» — послышались крики протеста. Уком горлопанов поставил на место: «Вся соль в монументе!.. А прочее хлам!.. Потерпит медпомощь... Остынь, Ликбезграм!..» Смушенье... Утихло волнение протеста... Три года — и встал белый мрамор на место. Внизу же, резцом по граниту строца, Поставил ваятель слова Ильича. Трудящихся массы гуляют по парку: «Ильич!.. А прочесть-то... не выдержим марку... Есть грамотных только Постромкин Федот, Да он, через грыжу, лежит третий год!..»

М. Андр.

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ.

— Для чего тут пожарная машина?
— А, должно-быть, слону клизму ставили.

ПОЧТИ ЧЕСТНО...

До чего нынче техника сильно развита! Даже фельетоны,—и те передаются на тысячеверстном расстоянии без всякой проволоочки. К примеру: «Бакинский Рабочий», от 28 октября, печатает:

«Беспартийные массы вовлекаются в работу или бумага все терпит (партийный фельетон).

А в сентябре, в № 34 «Крокодила», напечатан точь-в-точь такой же фельетон, правда, с более коротким названием: «Штамп». И разница между ними еще та, что герой в фельетоне «Бакинского Рабочего» называется Мясников, а в «Крокодиле»—просто Чижиков. И авторы разные. В журнале—Левин, а в газете—Фе Пе. Остальное без всяких изменений.

Так далеко ехал чужой фельетон,—и так мало из него украдено: только подпись автора и фамилия героя... Да и те заменены «вполне заменяющими».

ВИАРЫ В БОК

НЕЛЮБО, ДА ДОРОГО.

По подозрению в краже был задержан рабочий Молитовской фабрики. Следствие не нашло нужным отстранять его от работы.

Но заводоуправление принципиально отказалось до суда допустить его на фабрику, несмотря на протесты союза. В результате, после оправдания, заводоуправление выдало рабочему за прогульное время около 250 рублей.

Вот, не влюбились рабочего, а придется сказать: «дорогой» товарищ!

ВСЕМУ БЫВАЕТ КОНЕЦ.

На Рутченковском руднике (Донбасс), возле шахты № 31, уже два года стоят без действия два ланкаширских котла.

Котлы сейчас не под парами, так что лопнуть, при всем желании, не могут, чего нельзя иногда сказать о терпении РКК...

ОГРОМНАЯ РОЛЬ.

В изданном биржевым комитетом Астраханской товарной биржи отчете о работе написано: «Огромная роль и значение арбитражных комиссий при биржах не подлежит сомнению». А рядом читаем: «За истекший год арбитражная комиссия не рассмотрела ни одного заявления».

Огромная роль, но только без слов и без действий. Вообще, — бездействующая.

О ЗАВЕДУЮЩЕМ И О ТЕМПЕРАТУРЕ.

На поселке им. Володарского, в Нижнем Новгороде, в бане общего отдела Канисполкома никогда не бывает холодной воды. Рабочие должны выбегать из бани, чтобы зачерпнуть холодной воды из колодца.

А заведующему, видно, от этого дела ни холодно, ни жарко.

ПЛОХОЙ ВЫБОР.

В кооперативной пекарне Рутченковского рудника (Донбасс) продается хлеб с такой начинкой: 1) червяки длиной в 2—2½ вершка; 2) окурки папирос и 3) веревки.

Вещи все для рабочих не подходящие. Вот, если бы запекли в хлеб отрез на костюм или хотя бы на брюки, тогда дело другое.

ЗА КАКИМ НОМЕРОМ?

Зам. управл. Мезенским окружным управлением «Северолеса» тов. Фейгин заявил рабочей части РКК, что представляемые ею для согласования с администрацией заявления нужно посылать почтой. РКК и Управление находятся в одном и том же доме.

Рабочая часть РКК должна сообщить по почте тов. Фейгину, что подобное отношение к делу называется бюрократизмом, да еще и очень плохим.

ДОКУМЕНТ С ТОГО СВЕТА.

У. С. С. Р.
Н. К. З.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Харьковский губернский
Отдел Здравоохранения
2-я Совбольница
имени
Октябрьской революции
10/VIII—1925 г.
№ 6004.
г. Харьков.

Выдано гр. Бугаевой К. М. в том, что она находилась на лечении во 2-й Совбольнице с 23 июля 1925 г. по 8 августа 1925 г. включительно, где и умерла.

Главн. врач (подпись).
Делопроизводитель (подпись).

Вот времена настали: на тот свет—и то без мандата не пускают!..

«ЧТО ЗА КОМИССИЯ»...

Желая уничтожить полчища клопов:

«В 1-м терапевтическом отделении больницы Ярцевской ф-ки, Смоленской губ., устроили дезинфекцию, после которой клопов стало еще больше, чем раньше. Оказалось,—санкомиссия не догадалась продезинфицировать матрацы».

Санкомиссия, повидимому, не совсем поняла свои задачи: санитария и гигиена нужны не для клопов, а от клопов... И, вообще, от всяких паразитствующих.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Выписка из протокола № 13 Безводинской ячейки РЛКСМ Нижегородского уезда:

СЛУШАЛИ:

О недостойном поведении комсомольцев.

ПОСТАНОВИЛИ:

Любищевой — не мечтать о белых платьях и посерьезнее относиться к политике.

Мазановой — не расфуфыриваться, как буржуазная артистка, а переписать протокол общего собрания и не мечтать о фартовых кавалерах.

Глуховой — поменьше мечтать о лунных секциях.

Очень проникательная ячейка: насквозь видит человека и знает даже, кто о чем мечтает.

Поменьше бы проникательности, да побольше бы работы! Может, тогда и Любищева—Мазанова—Глухова занялись бы ею.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

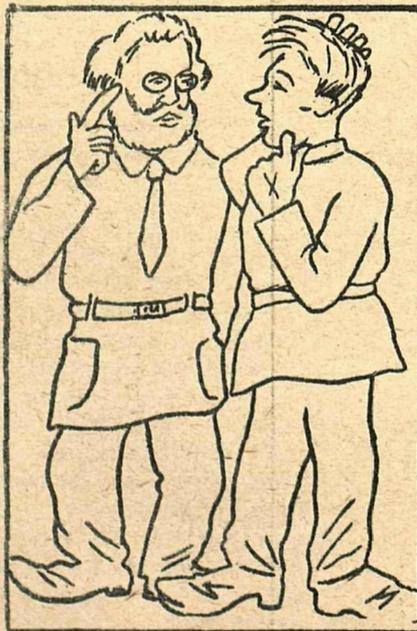
Нам пишут:

Несмотря на то, что охрана Великодворского стекольного завода, Рязанской губернии, состоит из 20 человек милиции,

«недавно украли приводной ремень. Как удалось пронести такую громадину, если вокруг завода стоит такая охрана?».

А почему вы знаете, что она стояла, эта самая охрана? Может, она лежала и похрапывала?

Рис. юнкора Гершановича.

ПРОФЕССОР: — Чтобы подтянуться—вам надо купить учебник.

ОПЫТНЫЙ СТРЕЛОК И СТРАННАЯ ЦЕЛЬ.

Заведующий школой ФЗУ г. Середы, Иваново-Вознесенской губернии, член РЛКСМ Бугачев устроил себе из школы тир.

Войдя в класс, очистит местечко, отмерит шаги и начинает стрелять. С пяти шагов пробивает насквозь доску.

Что-ж, если попасть в черную доску нетрудно, то на черную доску попасть еще легче.

ОГУРЦЫ НА СОВСЛУЖБЕ.

Директор Первомайского завода (Лук. уезд., Нижегород. губ.) Тарасов и его помощник Живейнов отказали рабочим в ремонте закуток для скотины, заявляя: «Коровы ваши у нас не служат». В то же время для себя они выписали кадушки и горшки для засолки огурцов и капусты, списав эти суммы за счет «общих расходов».

Доходы тут, действительно, «общие»: Тарасова и Живейнова. А расходы—нет. Противозаконные они, а не общие.

ХУЖЕ МЕБЕЛИ.

У нас, на Ивантеевской ф-ке треста «Моссуно» (Пушкино, Моск. губ.), есть комендант здания Рязанов, который распределяет жилплощадь так: если в комнате живут семь человек, а мебели мало, он вселяет восьмого. А если мебели много и живут три человека, то таких Рязанов не уплотняет.

Обычно у нас принято ругать комендантов, которые обращаются с жильцами, как с мебелью. Что же нужно сказать о Рязанове, который поступает как раз наоборот?..

ПОЛЮБИТЕ ЧЕРНЕНЬКИМИ.

Иногда совместительство мешает основной работе:

«Секретарь Ялтинского исполкома Черный, кроме прямой работы, занимается извозным промыслом. Приходящие в рик крестьяне узнают, что секретарь повез в город пассажира, и уходят ни с чем».

Подождите, товарищи, не все сразу; теперь он катает, а придут перевыборы,—и его прокатят.

РАБФАКОВЕЦ: — Вышло наоборот: чтобы купить учебник, мне пришлось подтянуться.

И НЕ СВЕТИТ И НЕ ГРЕЕТ.

Говорят, что игра не стоит свеч. Оказывается, не только игра, но и клуб:

«Директор московской фабрики трудовой колонии для заключенных, тов. Ивановский, из клуба заключенных взял в свою квартиру три лампочки по 50 свечей. В читальне же, обслуживающей 280 человек, оставил лишь одну в 25 свечей».

Все-таки одну лампочку в читальне оставил, а ведь мог и ее забрать. А вы еще недовольны таким директором... Да это не директор, а какая-то светлая личность... в 150 свечей, взятых из клуба!

ПЛАМЕННЫЙ ХАДЖАЕВ.

Оказывается, при поступлении на службу нужна еще одна формальность:

«В Ташкентском уезде, Узбекской республики, заведующий ОНО Касым-Хаджаев приглашает желающих поступить на службу учительниц предварительно к себе на квартиру после 6 часов; непокорные места не получают. То же и при получении зарплаты. Своевременно ее можно получить только при позднем посещении квартиры заведующего, а так приходится ждать месяца по два, по три».

Неизвестно, зачем нужны поздние визиты учительниц Касым-Хаджаеву, — может-быть, он пополняет свое образование частными уроками. Во всяком случае, Губоно должно дать ему такой урок, чтобы эти визиты оказались излишними.

САМАРИН И САМОВАР.

Присланный Владимирским укомом в Старорогожскую ячейку ответственный секретарь тов. Самарин

поселился у вдовы Шуркиной на условии доставлять ей дрова. При переезде тов. Самарин сказал—пока топи своими. Когда дрова иссякли, однажды, в отсутствие вдовы, секретарь захотел чаю и начал стаскивать иконы и колоть на шашки, чтобы разогреть самовар.

Таковыми дровами, тов. Самарин, если что и можно разогреть, так только враждебное отношение к ответственному секретарю.

ЦИРКОТРЮКИ

Скорнякову поручили обследовать состояние госцирков и о результатах доложить куда следует... Сначала он не знал, как и с чего начать, потом решил зайти в Управление Госцирктреструктреста и расспросить.

Там его снисходительно принял видный мужчина с английским пробором, итальянскими манерами, немецким акцентом и советскими значками.

— Мы, пока что, — гордо и мило-стивно заявила интернациональная внешность, — объединяем цирки в Москве, Ленинграде, Ростове, Туле и Одессе, но... мы еще молоды, мы подрастем, за короткое время нашего цирктреструктрестосуществования у нас сгорело два цирка в Твери и Нижнем и прогорело пять, но... мы еще молоды, мы подрастем... На сегодняшний день наш денежный оборот выражается в довольно солидных цифрах: дефицит в 75.000 руб. и задолженность банкам в 400.000 руб., но... мы еще молоды, мы подрастем...

— Постойте, постойте!!.. А как у вас насчет идеологии? Каковы ваши цели и задачи?

— Поднять художественную жизнь цирка на должную высоту...

— Ну, и что же? Подняли?

— О, да! На 23 метра... Выше нельзя. Купол цирка не позволяет. Я имею в виду смертельный прыжок Клифф-Аэрос... Правда, в Лейпциге он летел с 24 метров, но там купол выше, впрочем... вы не беспокойтесь, мы еще молоды, мы подрастем...

— А скажите, почему это вы в сентябре вздумали ставить во 2-м цирке «Заговор императрицы»?

— Да, но не забывайте, что там участвовали, по ходу пьесы, живые лошади, автомобили, собаки...

— Но почему пьеса в цирке? Что у вас, цирковых программ не хватает? Или артистов?

— А это в отместку за то, что левый театр обокрал цирк, цирк начинает обкрадывать театр... Они у нас—акробатические приемы с падением с конструкций, провалом мостков и ломанием актерских черепов, вроде прошлогодних случаев с «Лесом» у Мейерхольда и «Четвергом» у Таирова, а мы у них—репертуарчик с падением вкусов, провалом постановки и ломанием дурака на арене... Они от нас—смертельные трюки, а мы от них—смертельную скуку. Посмотрим, кто кого?..

— А что у вас цирковое искусство пропагандирует вообще?

— Как что? — обиделся английский пробор, — мало-ли что пропагандируем... Во-первых, физкультуру, потом, вот, сельское хозяйство...

— А это как же?

— А вот, например, в одном цирке выпустили афишу, а на ней коротко и ясно: «27 сентября в цирке дойная корова», черным по белому, жирнейшим полуаршинным шрифтом, и увеличенный фотографический портрет этой

самой дойной коровы тут же... Народу повалило тьма-тьмушая! И что же вы думаете? Хотя гастроль коровы состоялась без путевки Всерабиса, но успех был большой...

— А что-ж она делала?

— Да ничего: постояла, губами пожевала и ушла... Оказалось, что ее разыграли в числе подарков... Директор цирка в донесении так и объяснил: «Польза, мол, и материальная, потому публика в рассуждении: «программа никудышняя, а есть шанс выиграть корову», — и идеологическая, потому как... пропаганда идей сельского хозяйства...»

— А что, ставит цирк пантомиму?

— Как же, как же! Вот в пензенском цирке в конце сентября поставили пантомиму-феерию: «Тысяча и одна ночь» с участием 11 арапов и балета в 30 лошадей...

— А почему бы вам не революционизировать пантомиму? Большие, ведь, возможности...

— Вот, вот, мы сами об этом уже подумали и поставили эту самую пантомиму «1001 ночь», на открытии 1-го госцирка в Москве, под названием «Интернационал».

— Что же общего между «1001 ночью» и «Интернационалом»?

— Разумеется, ничего общего, но тут название главное, потому что из содержания все равно никто ничего не поймет, только по названию да по музыке публика догадается, революционное или наоборот, на то, ведь, и пантомима. Ну, да ничего... Ведь, мы еще молоды, мы подрастем...

Текст и рисунки Г. К. Холмского.

32

7306

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
28 НОЯ 1925
КНИЖНАЯ ЯАЯТА

АНГЛИЯ У КАМИНА.

1087

Англия постоянно находится под угрозой угольного кризиса. (Из газет).

Рис. Ив. Малютина.

„Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
 Как печально камин догорает
 И как пламя то вспыхнет порой,
 То бессильно опять угасает..“

Погоди еще миг—и не будет огня,
 Что тебя так ласкали и грели“...

Но оставим романс... Очень скоро, ей-ей,
 Догорит твой камин в самом деле.